Рамазанова Э. Т. Институт законодательной инициативы в правовой системе Российской Федерации: теория и практика реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Тузов Н. А. О праве законодательной инициативы // Законодательство и экономика. 2005. № 3.

Тузов Н. А. Судебная законодательная инициатива: субъекты, основания, объект и проблемы // Российское правосудие. 2006. № 8.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: комментарий / под ред. Н. В. Витрука, Л. В. Лазарева, Б. С. Эбзеева. М., 1996.

Цгоев Т. В. Правотворческая инициатива. Владикавказ, 2008.

Юридическое смыслообразование как проблема теории права

ГАВРИЛОВА Юлия Александровна, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент 400062, Россия, г. Волгоград, просп. Университетский, 100

E-mail: juliagavr@yandex.ru

Рассмотрена самостоятельная и комплексная проблема юридического смыслообразования, позволяющая не только дифференцировать понятия интерпретации и конкретизации права, но и анализировать данные явления с точки зрения их единой смыслообразовательной природы и функциональной взаимосвязи. Смыслообразование в праве может рассматриваться на двух операциональных уровнях: фундаментально-познавательном, где оно выступает наиболее обобщающим инструментом решения проблемы правопонимания, и праксиологическом (деятельностном), на котором смыслообразование представляет собой один из наиболее общих, универсальных механизмов любой юридической деятельности, а взятые в единстве законность, справедливость и гуманизм — ключевые критерии такого смыслообразования. Приведены основные функции смыслообразования, раскрывающие его теоретико-методологическое и практическое назначение в правовой системе российского общества. Благодаря использованию смыслового подхода основные содержательные элементы права одновременно рассматриваются как смысловые его компоненты.

Ключевые слова: смысл права, смыслообразование, интерпретация права, конкретизация права, смысловой подход к праву.

Legal Meaning-Making as a Problem of Legal Theory

Yu. A. GAVRILOVA, candidate of legal sciences, associate professor

Volgograd State University

100, Universitetsky ave., Volgograd, Russia, 400062

E-mail: juliagavr@yandex.ru

This article gives independent and comprehensive consideration of the problem of legal meaning-making, allowing not only to differentiate between the terms interpretation and concretization of law, but to analyze these concepts from the point of view of their common meaning-making nature and functional correlation. Meaning-making in law can be examined on two operational levels: the fundamentally-cognitive level, where it acts as the most generalizing instrument of solving problems of legal consciousness and the praxeological (pragmatic) level, where meaning making is one of the common, universal mechanisms of any legal activity, and where legality, justice and humanism thought of as a whole, are the key categories. The article outlines the most important functions of meaning-making that develop its theoretically-methodological and practical purpose in the Russian

legal system. By using the semantic approach the most profound elements of law are considered to be its sense bearing components

Keywords: the meaning of the law, meaning-making, interpretation of law, concretization of law, semantic approach to law.

DOI: 10.12737/24845

Анализ современного российского права постепенно подходит к этапу новых теоретических обобщений, которые позволяют более отчетливо увидеть и понять феномен права. В центре осуществления творчески интерпретационного по характеру процесса познания права всегда находится человек, живущий и творящий в своеобразном очерченном для него правовом поле. На границе взаимодействия человека как субъекта права и мира как правового поля образуется новое смысловое измерение права. С одной стороны, оно выражает способ и результат взаимодействия субъекта и объекта в правовой сфере, а с другой стороны, оно всегда представляет собой концептуальное целое, не сводимое по отдельности ни к конкретному субъекту права, ни к множественным содержательным элементам права (правовым ценностям, символам, идеям и нормам, эмоциям и традициям, юридической практике и т. п.). Наше внимание в связи с этим привлекает юридическое смыслообразование как новая и самостоятельная проблема теории права, выражающая особое пространство функционирования интерпретации и конкретизации права.

Определим конвенционально-терминологическую составляющую этого вопроса. В настоящей статье термины и выражения «интерпретация права», «конкретизация права», «толкование права», «юридическое толкование и конкретизация» рассматриваются как однопорядковые по отношению к юридическому смыслообразованию для оптимизации построения текста. Мы не ставим специальной цели провести их отличия, которое обосновывается отдельными юристами. Напротив, главная задача состоит в общетеоре-

тическом обосновании их смыслового совмещения.

В общенаучном смысле смыслообразование может основываться на многоуровневом инструментальном обеспечении, где особую роль выполняют аналогия, субсидиарное применение права, смысловое восприятие текста нормативного акта, его концептуальный анализ и обобщение содержания, идентификация отдельных понятий и терминов с их референтами в предметной области права, смысловая рефлексия и др. Мы допускаем, что основными инструментами осмысления правовой действительности являются интерпретация и конкретизация права, поэтому имеются основания выдвинуть аргумент о существовании единого режима их функционирования в правовой системе — юридического смыслообразования, на уровне которого их взаимное соотношение в правовой науке еще не проводилось.

Смыслообразование характеризуется единством фундаментально-познавательного и праксического (деятельностного) начал в правовом регулировании. Это означает, что в гносеологическом плане данное понятие — это наиболее обобщающий инструмент решения проблемы правопонимания, поскольку процедуры юридического толкования и конкретизации как раз и направлены на познание сущности, содержания и смысла права, составляют специально-юридический доктринальный инструментальный проблемы правопонимания (понятия и категории, методы, принципы и проч.). В динамическом аспекте смыслообразование в праве (толкование права и его конкретизация) относится к числу универсальных средств государственно-правовой интеграции основных социальных

субъектов в систему юридической деятельности.

Традиционно вопросы толкования и конкретизации права по отдельности относятся к числу важнейших проблем отечественной юриспруденции. Однако в юридической литературе практически не исследованы вопросы их функциональной взаимосвязи в смысловом измерении права, хотя очевидно на слабая продуктивность их анализа без соответствующих единых представлений о том, что означает для юриста основополагающее понятие смысла права.

К ответу на вопрос о взаимосвязи толкования и конкретизации приблизились в последнее время Н. А. Власенко и М. В. Залоило. Однако авторы подходят к его решению в большей степени технологически через этапы (уяснение, разъяснение, развитие) и результаты этой деятельности в виде творческого содержания судебной практики¹. Мы считаем необходимым предложить дополнительный аргумент их единства с позиций интегративной концепции юридического смыслообразования, основной постулат которой сводится к следующему: реализация сущностных характеристик интерпретации и конкретизации права обеспечивается с помощью выполняемых ими функций в системе правового регулирования и заключается в познании их общего объекта (смысла права) с применением соответствующих инструментальных средств: приемов, способов, правил и т. п.

Благодаря использованию такого подхода основные элементы объективного содержания права (нормативно-ценностный компонент и юридическая практика) преломляются в субъективном человеческом измерении через «внутреннюю» фор-

му смысла и далее находят внешнее формализованное выражение в системе многообразных юридических его источников. При этом в основе механизмов оптимизации смысла отраслевых правовых норм лежит выявление и познание фундаментальных ценностно-идейных оснований, на которых они базируются. Процесс взаимодействия юридической практики и социальной среды действия права внешне проявляется в осмыслении основных путей и направлений правового развития общества.

Как нам видится, сущность интерпретации и конкретизации права является двуединой: они, во-первых, представляют собой два наиболее универсальных вида юридической деятельности; во-вторых, выступают инструментальной частью механизма любой другой юридической деятельности. При этом взятые в единстве законность, справедливость и гуманизм — это ключевые критерии социальной обоснованности и юридической правомерности осуществления толкования и конкретизации.

Интерпретация и конкретизация норм права взаимодействуют в аспекте общих и специфических функций, которые им свойственны в рамках правового регулирования общественных отношений. Проблема классификации функций толкования (интерпретационной практики) наиболее обстоятельно была проанализирована В. Н. Карташовым. Автор выделил следующие разновидности таких функций: гносеологическую (познавательную) и объяснительную, оценочную и онтологическую (описательную), регулятивную и мировоззренческую, правоконкретизирующую и правообеспечительную, компенсационную и превентивную, контрольную и политическую, интегративную и др.²

¹ См.: Власенко Н. А., Залоило М. В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 43—57.

² См.: Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: в 10 ч. Ч. 4: Интерпретационная юридическая практика. Ярославль, 1998. С. 82—89.

Если говорить о функциях конкретизации права, то, за исключением М. Ш. Гамидова, уделившего внимание этому вопросу³, специалисты по проблеме конкретизации права данное понятие не используют. Речь преимущественно идет об общей роли конкретизации в правовой жизни общества: совершенствование законодательства в ориентации на стратегические общественно-политические задачи, выработка судебной практикой конкретизирующих закон положений и индивидуализация правовых предписаний, обеспечение ясности и понятности действия на практике акта официального толкования («интерпретация акта интерпретации») и ряд других.

Думается, что в механизме правового регулирования интерпретация и конкретизация права обладают единой смыслообразовательной природой, которая раскрывается подробно и детально в их более конкретных, наглядных функциях, а перечень этих функций не является исчерпывающим: концептуально-мировоззренческая, нормативно упорядочивающая, системно-деятельностная, коммуникативная, конструктивная, адаптационная и т. п. При этом для текстуальной экономии изложения материала все названные функции можно также называть *смыслообразованием*.

Концептуально-мировоззренческая функция. Интерпретация и конкретизация права выступают в единстве форм мышления и познания человека, которое позволяет выражать все его функциональные способности к освоению закономерностей правовой материи одновременно в концептуальных образах и в рамках присущего каждому из них своеобразного мировоззрения. И от того, какое мировоззрение разделяется этим субъектом (жизненный

опыт, знания, взгляды, общий интеллектуальный уровень), зависит «смысловое» наполнение элементов содержания права. «Концептуальная модель — это своеобразный внутренний мир оператора, который основан на большом количестве априорной информации о среде и который является относительно постоянным фоном действий человека и базой для принятия решений... Она характеризуется большой информационной избыточностью, причем актуализируется и осознается в тот или иной момент лишь то предметное содержание образа, которое требуется для решения конкретной задачи управления»⁴.

Нормативно упорядочивающая функция. Юридическое толкование и конкретизация в приведенном аспекте — это познавательные средства обеспечения упорядочивающего и стабилизирующего действия норм права. Оно проявляется в том, что право в результате его интерпретации и конкретизации выступает как актуально рассчитанная «мера» такого общего влияния права на социальную жизнь, которое осмысливается и оценивается применительно к конкретным юридическим случаям. «Норма права — это не только доктринально трактуемое правило самого права (правило правовой регуляции), но вместе с тем и доктринально-методологическое правило работы с материалом позитивного права (его текстом, положениями и т. д.), универсальное средство «юридического ремесла», смысловая основа и конструктивный принцип юридико-догматического творчества»⁵.

Системно-деятельностная функция. Она означает, что субъект общественных отношений (личность, социальные группы и общество в целом, государство) не получает зна-

³ См.: Гамидов М. Ш. Конкретизация норм права: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 10—12, 15—22.

⁴ Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Образ в системе психической регуляции деятельности. М., 1986. С. 22.

⁵ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2007. С. 390.

ния, представления о праве в готовом виде, а *добывает* их сам в процессе научно-познавательной и практической юридической деятельности, объекты которой рассматриваются как системы. Главное для индивида — это не абстракция смысла права, взятого как самоцель познания, а сам процесс «*построения в сознании ментальных моделей*». Это система идей, верований и убеждений, направляющих человеческие действия, объясняющих их причины и следствия и придающих смысл социальному опыту⁶. Отсюда смысловой подход к праву — это специфическая ментальная модель, представляющая собой инструмент системной интерпретации правовой реальности в процессе практической жизнедеятельности субъекта и сама являющаяся объектом постоянной смысловой интерпретации в юридическом пространстве.

Коммуникативная функция. По мнению Н. Лумана, общество ограничивает себя от окружающего мира и является оперативно замкнутым за счет взаимного соединения существующих в нем коммуникаций. Однако внутри общества оно может дифференцироваться на ряд подсистем, которые характеризуются одним и того же рода коммуникациями и своими специфическими способами кодирования информации, т. е. *смыслами*⁷. В отечественной литературе коммуникативная концепция права представлена, в частности, работами А. В. Полякова. Он считает, что право — это основанный на социально признанных и общеобязательных нормах коммуникативный порядок отношений, участники которого имеют взаимо-

обусловленные правомочия и обязанности⁸. Для нас это определение значимо тем, что в процессе правовых коммуникаций формируется общее смысловое пространство единого образного понимания права, в которое объединяются различные акты конкретизации и интерпретации его смысла. Поэтому, говоря о коммуникативной функции, подразумевают, что коммуникация — это объективная среда и условие осуществления юридического смыслообразования.

Конструктивная функция. Социальный конструктивизм, в основе которого лежит философский конструктивизм, рассматривает субъекта не в качестве отражающего смысл правового бытия, а в настойчивом стремлении построить собственную его интерпретационную модель. Так, в работах американской (Д. Медин, Г. Мерфи) и французской (С. Московичи) школ в социальной психологии конструирование имеет в основе не реальное бытие самих объектов мира, а представления людей о существенных свойствах этих объектов⁹. Общие представления людей направляют и организуют различные практические схемы деятельности, а вместе ведут в итоге к конструированию антропогенного социального и юридического порядков¹⁰.

Однако конструктивный потенциал конкретизации и толкования права является таковым в той мере, в какой он явно не противоречит объективным закономерностям функционирования правовой системы, хотя и допускает известное несоответствие между ними на уровне правового релятивизма. Иными словами, конструктивная функция выражает в качестве особого результата пра-

⁶ См.: О'Коннор Д., Макдермотт И. Искусство системного мышления: необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. Пер. с англ. 2-е изд. М., 2008. С. 126.

⁷ См.: Луман Н. Общество как социальная система // Общество общества. М., 2004. С. 45—46.

⁸ См.: Поляков А. В. Общая теория права. СПб., 2001. С. 188.

⁹ См.: Murphy G. L., Medin D. L. The Role of Theories in Conceptual Coherence // Psychological Review. Vol. 92. No. 3. 1985. P. 289.

¹⁰ См.: Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. Пер. с фр. М., 1998. С. 41, 56, 58, 74, 91, 119.

вовою коммуникации не столько уже взаимопонимание участников этих отношений, что само по себе ценно, сколько наделение новым смысловым значением отдельных элементов правовой действительности. Истина в том, что связующим элементом между всеми этими феноменами выступает зачастую юридическое смыслообразование.

Адаптационная функция. Смысловое конструирование юридического «микробытия» позволяет более быстрыми темпами и глубже адаптироваться к господствующему социально-правовому порядку, сохраняя известные границы правовой и социальной свободы. И более правильно говорить не только о конструктивной, но и об адаптационной функции интерпретации и конкретизации права.

По сравнению с общим понятием социальной адаптации правовая адаптация — почти не разработанная проблема в юридической науке. В кратком виде она представляет собой процесс разнообразного приспособления субъекта права к социальной среде его действия, где требуемым или объективно достижимым результатом становится приобретение им определенной социальной роли или набора функций в правовой системе общества (гражданин, налогоплательщик, родитель и др.). Наиболее общий алгоритм этого процесса представлен в следующей формуле: «интерпретация и конкретизация — идентификация субъектов — усвоение (отторжение) компонентов правовой культуры — роль (функция) в обществе — правовая социализация — правовая адаптация»¹¹.

Наличие единого и общего объекта для конкретизации и толкования права в виде его смысла актуализирует постановку проблемы комплексных правил всего юридического смыслообразования, которые не сво-

дятся и не могут сводиться лишь к приемам и способам интерпретации, а по необходимости включают в себя достаточно значимые требования к законности и справедливости процесса конкретизации права, его гуманистически заданным ориентирам.

Соотношение приемов, способов и правил смыслообразования в праве рассматривается нами в единстве сущего и должного. Приемы и способы выражают то, как и с помощью чего реально осуществляется процесс объяснения и развертывания содержательных компонентов права. Правила же юридического смыслообразования обозначают, как нужно или должно организовать эту работу, чтобы с использованием инструментальных средств достичь эффективности и целесообразности практических результатов в этой сфере.

По нашему мнению, из многообразных классификаций правил системообразующей является классификация по целевому содержанию самой смыслообразовательной деятельности: на что она в основном направлена и что она параллельно порождает — правила поискового, модифицирующего (адаптационного) и юридико-конструктивного смыслообразования.

Правила «поискового» юридического смыслообразования направлены на раскрытие смысла правовых норм, соответствующего воле законодателя периода издания нормативного акта. Основными инструментами выявления этого смысла выступают общепризнанные способы и приемы толкования права, а правила смыслообразования этой первой группы сводятся в основном к правилам реального и словесного толкования, которым большое внимание уделяли еще дореволюционные русские правоведы¹². Конкретизация как логический прием в этом

¹¹ Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: в 6 т. Т. 2 / под общ. ред. А. В. Петровского. М., 2006. С. 25.

¹² Подробнее см.: Васильковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов для начинающих юристов. М., 1913. С. 38—56, 57—90.

случае служит уточнению и обоснованию полученного результата интерпретации.

Правила «модифицирующего» («адаптационного») смыслообразования направлены на адаптацию первоначального смысла норм права к динамике общественных отношений. Основными средствами достижения этой цели являются специальные приемы определения объема толкования права и соответствующие правила при наличии определенных критериев допустимости их использования, о которых мы ранее уже писали¹³. Между тем в рамках вспомогательной технико-юридической адаптации повышается роль конкретизации права, поскольку без актуализации точных смысловых пределов действия правовых норм задача модификации ее применения в данных условиях не может быть выполнена.

Особо следует отметить терминологическое различие адаптации смысла права в таком узком понимании от адаптации этого смысла к требованиям времени. Это уже основная (подлинная) смысловая адаптация, которая по своим юридическим свойствам весьма близка к воплощению конструктивной функции смыслообразования, а нередко и плавно переходит в этот процесс.

Наконец, правила юридико-конструктивного (творческого, нового) смыслообразования направлены на создание нового смысла правового регулирования преимущественно с помощью конкретизации в правотворчестве и процессе осуществления абстрактного нормоконтроля. Главными инструментами познания на этом этапе выступают специальные правила конкретизации смысла источников права, а основанием — толкование.

Например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П намечена тенденция

к введению самостоятельного субъекта уголовного процесса с особыми процессуальными правами и обязанностями — обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве с органами предварительного расследования.

Отмечено, что такое лицо в силу особых обстоятельств заключения «сделки с правосудием» не является обвиняемым по основному уголовному делу, так как в отношении него самого существует выделенное уголовное дело, а в качестве обвиняемого по выделенному уголовному делу оно не может быть в одно и то же время свидетелем по основному уголовному делу, поскольку в силу особого рода «процессуальной заинтересованности» дает показания, изобличающие других соучастников преступления. Тем самым в процессе абстрактного нормоконтроля Конституционным Судом РФ фактически создан новый смысл правового регулирования, объективно нуждающийся в доктринальном обсуждении и законодательном концептуализированном оформлении¹⁴.

Таким образом, интерпретация и конкретизация права характеризуются тесной функциональной взаимосвязью, позволяющей рассматривать их как две различные стороны, или два аспекта общей проблемы юридического смыслообразования. Кроме того, универсализация подходов к их рассмотрению имеет целью устранить или смягчить дискуссии, которые ведутся десятилетиями по вопросу о соотношении и разграничении этих двух правовых явлений. Не дифференциация и не размежевание их друг от друга, а концептуально-содержательное объединение и интеграция достигнутых результатов в рамках единой смысловой концепции — необходимые условия взаимного сближения позиций юридической науки и практики по данным проблемам.

¹³ См.: Гаврилова Ю. А. Толкование права по объему: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 133—152.

¹⁴ См.: Российская газета. Федеральный выпуск. 2016. 4 авг. № 7039 (171).

Библиографический список

Murphy G. L., Medin D. L. The Role of Theories in Conceptual Coherence // *Psychological Review*. Vol. 92. No. 3. 1985.

Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов для начинающих юристов. М., 1913.

Власенко Н. А., Залоило М. В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // *Журнал российского права*. 2016. № 8.

Гаврилова Ю. А. Толкование права по объему: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.

Гамидов М. Ш. Конкретизация норм права: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010.

Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Образ в системе психической регуляции деятельности. М., 1986.

Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: в 10 ч. Ч. 4: Интерпретационная юридическая практика. Ярославль, 1998.

Луман Н. Общество как социальная система // *Общество общества*. М., 2004.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. Пер. с фр. М., 1998.

Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2007.

О'Коннор Д., Макдермотт И. Искусство системного мышления: необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. Пер. с англ. 2-е изд. М., 2008.

Поляков А. В. Общая теория права. СПб., 2001.

Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: в 6 т. Т. 2 / под общ. ред. А. В. Петровского. М., 2006.

Российская газета. Федеральный выпуск. 2016. 4 авг. № 7039 (171).